

И. Ю. КОБЗЕВ

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

(Роман со временем)

České Budějovice

2015

I

*«Это легкий переход
В неизвестность от забот...»
(Борис Пастернак)*

Забота - это базовое понятие философии Хайдеггера. Забота вырастает из прошлого и подразумевает будущее. Можно сказать, что забота – это синоним самого времени, в котором протекает жизнь человека. Забота судорожно ощупывает декартовскую ось времени, страшась не обнаружить на ней своего собственного завтра. Хотя чисто теоретически, путем того самого *cogito* мы знаем, что однажды эта ось времени уйдет в свою бесконечность без нашего завтра. А мы останемся стоять в своем тепер уже вечном вчера, глядя как с ревом и грохотом проносится перед нашим угасающим рассудком скорый поезд картезианского времени. И тогда душу нашу скует своим холодом экзистенциальный страх – еще одно базовое понятие философии Хайдеггера. А может просто надо перестать цепляться за эти надуманные Западной цивилизацией представления и впервые в своей гонимой страхом жизни оставить заботу? Как это делают, например, индусы.

Согласно индийской традиции, человек проходит в своей жизни четыре стадии: ученичество, домохозяйничество, лесное отшельничество и странничество. Уход в лес и странничество означают изменение социального поведения и отказ от того, что составляло смысл предыдущей стадии – от материальных или чувственных привязанностей или майи. Вместе эти две стадии образуют то, что можно назвать «третий возраст человека». Но почему индусы делят его на два этапа? Я, кажется, догадался: потому что нужен предварительный этап отвыкания от картезианской оси времени – слишком довлеет над нами забота о завтрашнем дне. Во время отшельничества человек учится обходиться без оси времени. Он сидит под деревом Бодхи, как сидел когда-то сам Будда, и воображает, что вернулся в начало оси времени - в ноль, который недаром был открыт именно индусами. Отшельник мысленно вращает этот ноль координат как апельсин и с удивлением обнаруживает, что из него как иголки из ежа торчат во все стороны разные оси времени. И каждая ось задает свой закон течения времени, со своим темпом и своей мерой. Некоторые времена упорядочены, хотя и не натуральным рядом чисел, как картезианское время, а каким-нибудь экзотическим рядом, вроде ряда Фибоначчи. А некоторые оказываются хаотическими и изображаются рядом внешне случайных чисел, вроде множества Кантора. А главное, что все эти оси конечны, потому что жизнь человека в третьем возрасте зримо приближается к своему завершению. Теперь отшельнику остается только выбрать сродственную себе ось времени и отправиться в мир странником. Куда бы он ни шел, это будет паломничество внутри его собственного времени, со своим законом дления и со своей конечной длительностью. Такое время не обременяет его ни заботой, ни страхом – Хайдеггер со своей философией тут отдыхает.

Это странное странничество – оно происходит не в пространстве, а во времени. Конечно человек куда-то движется в пространстве, но цель его находится не в пространстве. Его цель – прожить выбранное им для его третьего возраста собственное время. А точнее – раскрыться полностью в этом времени, что невозможно было сделать

в предыдущем возрасте, когда коллективное картезианское время спрессовывало человека в социально озабоченное существо. Как тут не вспомнить «Паломничество в Страну Востока» Германа Гессе, в котором герои совершают подобное странничество: «...нашей целью был не просто Восток, более того: наш Восток был не просто страной, не чем-то географическим; это была родина и юность души, это было Везде и Нигде, это было слияние всех времен». Это было слияние человека со своим собственным временем, добавлю я от себя. У Гессе все, кто совершает подобное паломничество, являются членами Ордена, который я бы назвал «Орденом третьего возраста». Членами Ордена являются как реально существовавшие, так и вымышленные личности: Платон, Дон Кихот, Новалис, Лао-цзы, Моцарт, Клингзор, Альберт Великий, Васудева и другие. Такой список легко позволяет каждому присоединиться к Ордену, отправившись в свое собственное странствие третьего возраста.

Я сам стал членом Ордена неожиданно, хотя мысленно готовился к этому давно, ибо пенсия была не за горами. И вдруг меня уволили, не дав доработать оставшиеся два года. Это нормально, когда это случается с другими. Но когда это случается с тобой, то воспринимается как личное оскорбление. И вот я стою нелепый и оплеванный возле железнодорожной насыпи, по которой с грохотом проносится тот самый скорый картезианский поезд, унося к сладкому карьерному будущему моих бывших коллег. Но это уже не мое время. Мне срочно нужно искать свое дерево Бодхи, потому что фикус, под которым я сидел в своем рабочем кабинете, больше не сможет принять меня под своею спасительную сень.

II

*«Мир ловил меня, но не поймал».
(эпитафия Григория Сковороды)*

Я обманул тебя, читатель. Мне не нужно дерево Бодхи, потому что на самом деле я давно пребываю в состоянии странничества. Потому что я шпион – шпион «Ордена третьего возраста». Я засланец (именно так, с буквой «л») своего собственного времени в мире всеобщего картезианского дления – я хронохимера.

Услышав это слово, Хайдеггер перестал дышать и авторитетно заметил: «Dasein всегда заброшен в мир, попасть в который означает одновременно и пропасть, заброшенность в мир подразумевает растворение в совместности бытия, которая реально конституируется болтовней, любопытством и двусмысленностью».

- А что делать твоему Dasein-у, если эта пустая болтовня для него невыносима?

- Тогда остается единственный путь – в шпионы, - отозвался Александр Секацкий, - Когда человек обнаруживает чужеродность окружающей его вселенной как пространства лицемерия и лжи, он принимает единственно возможное решение: имитировать законы заставаемой раскладки бытия, не принимая их всерьез, сохраняя дистанцию свободы. Стать разведчиком и диверсантом в этом пустотелом универсуме, оставаясь «себе на уме», держа фигу в кармане как естественное удостоверение шпиона.

Я взглянул на Хайдеггера – он снова дышал. А я воскликнул:

- Именно так! Я двадцать девять лет держал фигу в кармане и это позволяло мне сохранять дистанцию между собой и этим миром. Теперь наконец я могу расцепить затекшие пальцы, я могу уже не играть в политкорректного обитателя картезианского

времени – я могу жить в своем собственном хронотопе открыто. Значит я больше не шпион?

- Ты уже не шпион, - сказал Секацкий, - но ты еще не номад. А пространство свободы знакомо лишь настоящему номаду,

- А что такое номад?

- Это носитель чистого авантюрного разума. Номад и Dasein это альтернативные проекты человеческого в человеке, - ответил Секацкий, кивнув головой в сторону отдыхающего Хайдеггера, - Dasein предназначен для образования устойчивого социума, бытия в черте оседлости, называемой гуманизмом. Номад же - это доброволец неприкаянности, готовый к ежедневному началу бытия-заново. Легкость на подъем есть важнейшее достояние номада, пробивающего плотные слои озабоченности вектором бесконечной дороги,

- Значит суть Номада заключена в дороге без цели?

- Конечно! Смотри, дорога только началась, она еще не привела меня никуда, но уже вызволила из-под пресса времени, я освободился от занятий, которыми был занят, и теперь их шеренга сомкнулась предо мной, и я волен смотреть на срочные занятия отстраненно, безучастно.

Пресловутая «озабоченность» уже разжала свои тиски, в сброшенном балласте остается не только груз забот, но и весомость бытия, уверенность в своей собственной самости,

- А можно это выразить как-то покороче?

- Легко: хроносенсорная автономность делает дорогу трансцензором фонового времени,

- Ну, вот это понятно. А пример Номада Вы можете привести?

- Одиссей,

- Одиссей?

- Конечно он. Ведь собственное имя номада – Никто - впервые было произнесено хитроумным Одиссеем в ответ на требование циклопа Полифема,

- Но Одиссей имел цель – он плыл домой, в Итаку,

- Разве можно поверить, чтобы человек в самом деле стремящийся домой столько лет барахтался в корыте Средиземного моря?

- Можно ли сказать, что бытие номада неподлинно?

- С точки зрения Dasein, - Секацкий показал глазами на Хайдеггера, - так оно и есть.

Бытие обрело подлинность, когда пираты – эти номады Эгейского моря вняли голосу Dasein и обратились к обустройству полисной демократии, основав Великую Элладу,

- И тогда родилась культура...

- ...да, тогда родилась культура, которая вытеснила чистый авантюрный разум в сферу символического: мы высовываем туда голову и слушаем сказку странствий Одиссея, пока нас не окликнут, чтобы отдать долг или выполнить обязательство перед бытием в нашей черте оседлости,

- Но тогда получается, что движение Вашего Номада бесплодно – за ним расстилается та же пустыня, что и перед ним,

- Да, траектория номада пролегает по ту сторону добра и зла,

- Тогда путь Номада не для меня. Моя траектория лежит между Сциллой рабства у коллективного времени и Харибдой расчеловеченной свободы Вашего Номада,

- Хочешь усидеть между двух стульев?

- Хочу пройти по лезвию бритвы...

III

*«...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.»
(Иосиф Бродский «Пилигримы»)*

Я вспомнил жаркое лето 1973 года, когда в Москве плавился асфальт, а я, романтический сибирский юноша, бродил по Новодевичьему кладбищу в поисках могилы автора «Лезвия бритвы», чтобы поклониться его памяти. Я не знал тогда, что он похоронен на кладбище писательского поселка Комарово, под Ленинградом. Почему-то мне казалось, что писателя такого масштаба должны были похоронить именно на Новодевичьем кладбище. Увы, моя оценка не совпала с официальной. Теперь время все расставило на свои места. Роману уже пятьдесят лет, а новая молодежь его читает, как зачитывался им я в далекие шестидесятые.

Странная книга. Текст вязкий, рассуждения утомительные, нет юмора, подколов и хохмачества, что было так характерно для «прогрессивной» литературы того времени. Серьезные рассуждения о воспитании человека, о красоте, о реальном коммунизме. И все это затягивает, увлекает и не отпускает потом всю жизнь. Я недавно прослушал этот роман в аудиоформате и как-будто снова очутился в том времени. Точнее в параллельной реальности, где люди открыты, внимательны и серьезны в отношении к окружающим. Люди размышляют над собой, учатся и помогают учиться другим. И от этого так спокойно становится на душе, так несуетно. И кажется, что именно это и есть реальный мир людей, а вокруг нас и в телевизоре крутят какой-то бесконечный и безвкусный триллер. В чем же секрет этой книги? Теперь я кажется понял это.

Сначала анекдот: на благотворительном балу один известный физик продавал газированную воду с сиропом. Когда его попросили налить воды без сиропа, он спросил: «Вам без какого сиропа?» Я это к тому, что каждой религии соответствует свой атеизм. Русский коммунизм – это православный атеизм. В нем нет Бога, но все остальное, что касается человека, построено по лекалам Православия. Вот и Ефремов, как благочестивый коммунист, создал книгу жития «атеистического православного святого». А жанр жития всегда был любимым чтением грамотеев в Европе и Византии. Это была единственная художественная литература в эпоху Средневековья. Потом, в Новое время, из нее выросли и авантюрный роман, и роман-путешествие, и роман воспитания. «Лезвие бритвы» содержит в себе все эти элементы, но прежде всего – это роман-житие «атеистического святого».

Чем так привлекательно житие? Тем, что оно разворачивается в особом некартезианском времени. Время жития напоминает органическое время Бергсона – оно течет и трансформируется в соответствии с ростом и трансформацией самого героя жития. Оно имеет форму героя, и оно конечно! Оно заканчивается триумфом героя, создавшего себя по образу и подобию Божию. Атеистическим аналогом такого триумфа является знаменитая формула Николая Островского: «Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И герой Ефремова наполняет время своей жизни упорной и осмысленной работой по совершенствованию себя самого. И все, кто с ним соприкоснутся, тоже начинают заражаться этим самотворчеством. Совершенно по формуле Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен и тысячи вокруг тебя спасутся». Только надо чуть-чуть переформулировать: «Создай из себя человека, и тысячи вокруг тебя захотят сделать то же самое».

Если угодно, это и есть формула «коммунизма ефремовского благочестия». У Ефремова коммунизм становится фактом реальной жизни, не переставая при этом быть социальной утопией. Как это возможно? Все просто: Ефремов понял, в отличие от классиков марксизма, что коммунизм это вообще не проблема социологии, коммунизм – это проблема антропологии. Совсем как проблема Царствия Божия на земле по формуле Евангелия от Матфея: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Это и есть коммунизм Ефремова. Когда люди работают над собственным совершенствованием, между ними и возникает «коммунизм». Коммунизм – иллюзия, но путь к нему – реальность. И Ефремов вручает пилигриму на этом пути вместо посоха «бритву антитолерантности», чтобы отсечь красоту от безобразия, добро от зла. В мире глобализма к этому не привыкли: у нас тут безобразие есть одна из форм красоты, норма это вариант патологии, добро неотлично от зла, а каннибализм - всего лишь экзотическая форма человеколюбия. В Европе давно заржавела бритва почтенного Оккама, поэтому «бритва Ефремова» оказалась так кстати для современной думающей молодежи, отправляющейся в свое жизненное паломничество:

«Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима...»

(Иосиф Бродский)

Мимо, потому что это путешествие вдоль собственной оси времени, вдоль его «лезвия», в поисках единственной необходимой встречи – встречи с самим собой.

IV

*«Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И перед созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье!»
(А.С. Пушкин)*

У Пушкина встреча с самим собой произошла в Михайловском, в ссылке, когда он, закончив «Бориса Годунова», воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Это сказал о нем тот, с кем он встретился. А о том, с кем он встретился, он написал тогда же стихотворение «Пророк». Так это и происходит. Если искать подходящий образ, то это напоминает венчание на царство: до него был просто молодой человек знатного рода, после него – средоточие русского космоса. «Ты царь: живи один... Ты сам свой высший суд», - вот выраженная поэтом суть трансформации человека после этой встречи. Царь-то царь, а жить в гордом одиночестве не удастся – реальный царь своей дружбой душит,

приходится крутиться среди светской черни при дворе. В этом болоте нести в себе свое «царство» - это тяжкий крест. Хочется все бросить и сбежать:

«Давно завидная мечтается мне доля —

Давно, усталый раб, замыслил я побег.

В обитель дальнюю трудов и чистых нег.»

Хоть на Кавказ в действующую армию, хоть под пулю. Вот и накаркал, забыл, что поэт – это пророк. Так и не дожил наш поэт до своего «третьего возраста» - умер придворным камер-юнкером. А уж кому бы как не ему обратиться странником, вроде старца Федора Кузмича, и уйти в мир, неспешно пропуская его через себя и с радостью узнавая в нем все, что он угадал своим воображением. Но не дано было ему услышать заветных слов: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка... с миром» с которыми о(т)пустили его наконец в вечность русского космоса. Там он действительно Царь, и теперь уже навеки.

Встреча с собой – это вершина жизни человека. После ее достижения путь идет под горку – так уж устроен рельеф жизни. Под горку идти легче, чем карабкаться на гору, но на этом пути вершины уже не будет. Это надо понять и принять со смирением и благодарностью за то, что вершина все-таки была. И еще надо понять, что вершина у каждого своя. Что если там, куда Вы стремились стоит очередь, то Вы попали не туда, куда хотели, потому что мейнстрим – удел тех, кто никогда не был на своей вершине. Ну, вот, если Вы это усвоили, то смело вперед!

- А Вы сами-то побывали на своей вершине?

- Я-то? А как же, всенепременно,

- Ну и что там? В смысле, кого Вы там встретили?

- Себя, конечно, но в трех лицах,

- Что, типа трех ипостасей?

- Именно так, не смейтесь. Я встретил себя в лице Платона, отца Павла Флоренского и моего учителя Дмитрия Осадчего,

- И что же они Вам сказали?

- А ничего не сказали. Не помню, может как Пушкину сказали: «Ай да молодец», а может просто одобрительно улыбнулись. Зачем мне ихние слова – это же я сам.

Главное, я почувствовал, что стал свободен – свободен от тяжести долга, который висел на мне долгие годы. Я его исполнил и он стал моей свободой,

- Это как же, типа свобода есть осознанная необходимость?

- А какая еще она бывает?

- Как какая? – свобода выбора,

- Свобода буриданова осла?

- Ну, почему сразу осла?..

- ... а потому что, выбор Вам навязывает чужой дядя. А кто навязывает выбор, тот и управляет Вами. Это тот, кто организует мейнстрим – время коллективного существования. Вот там Вы и выбираете то, что Вам не нужно, зато нужно совсем не Вам,

- Странно, я никогда об этом не думал так...

- А Вы вспомните картинку из телевизора: послерожественская распродажа, люди дежурят ночь перед открытием магазина, а потом толпа давит друг друга насмерть, штурмуя открывшиеся двери. Это и есть свобода выбора в действии. Это рабство у выбора и у общего картезианского времени,

- А рабство у долга, у необходимости это разве не рабство?

- Это рабство у самого себя, потому что это долг перед самим собой. Его исполнение нельзя купить или выбрать на складе, его можно только осуществить своими мозгами и своими руками. Это реализация замысла о себе – моего собственного свободного

замысла в моем индивидуальном времени жизни. Что же это как ни осуществление своей свободы?

- Вот как Вы это понимаете... Я подумаю об этом,

- Главное, думайте своевременно, чтобы невзначай не очутиться в чужом времени.

V

*«Вот какое время наступило,
Такое нервное - взгляни, Алиса...
(Владимир Высоцкий)*

*«Гните свою линию пунктиром,
Не теряйте, там-там-тирам, линию пунктира»
(Владимир Высоцкий)*

- В чужом времени? Как это?

- Ну я не буду говорить о фоновом всеобщем картезианском времени – времени фабричного гудка, часов и расписаний, которое довлеет над всеми нами на протяжении почти всей нашей жизни. Большинство людей с ним смиряется и не считают уже чужим. Но чужое время может Вас подстеречь и в «третьем возрасте», когда Вы уже избавились от влияния внешнего всеобщего времени,

- Откуда же оно берется?

- Изнутри, из Вашего внутреннего мира, который однажды сбросит Вашу власть над ним и начнет жить в своем собственном хронотопе, не совпадающем с Вашим. И Вы снова превратитесь в хронохимеру, но уже без фиги в кармане,

- Но зачем ему бунтовать против меня?

- Болезни старости, мой друг, болезни старости... Еще Фрейд заметил, что невроз или истерия ведут себя как самостоятельный организм, довольно примитивный, но со своими целями и своим хронотопом. Время активности такого организма не совпадает со временем Вашей собственной активности, - возникает хронохимера,

- Доктор Джекилл и мистер Хайд, как у Стивенсона?

- Именно, именно! Но на самом деле все обстоит еще хуже, потому что точно также ведут себя не только психические расстройства, но и органические болезни. Ведь у каждого органа свой хронотоп, который в норме синхронизирован с хронотопом Вашего организма. А вот при заболевании этого органа происходит их рассогласование, и Вы начинаете чувствовать этот орган во внеурочный час, его боли и проблемы навязывают Вам чуждый Вам ритм жизни. Постепенно Вы становитесь рабом болезни, подобно тому как улитка, например, становится марионеткой проникшего в нее паразитического червя и безропотно подставляет себя под клюв хищной птицы. И таких хронопаразитов у Вас может появиться много, и каждый из них будет требовать своего и в свое время, и жизнь Ваша превратится в ад,

- Вы меня пугаете?

- Отнюдь. Я лишь пытаюсь предупредить Вас о тех ловушках, которые поджидают Вас в странствии «третьего возраста». Они ведь у всех одинаковы, мой друг. Со временем у всех сплошная ось собственного времени превращается в пунктир, на котором участки просветления сознания чередуются с моментами его помрачения. Этого не избежали даже выдающиеся писатели,

- Почему Вы так думаете?

- А потому что все они заканчивают в старости одним и тем же – миниатюрами: Тургенев пишет стихи в прозе, Розанов пишет свои «Опавшие листья», Солженицын придумал жанр, который назвал «Крохотки», Толстой вместо литературы начал писать маленькие нравоучительные рассказы. Что это по-Вашему? Это проблески сознания писательского «Я» среди сплошного времени болезней психики и тела,
- В старости время квантуется болезнями?
- Да, это так. Что такое «Алмазный мой венец» Катаева, как не маленькие жемчужины воспоминаний, нанизанные на нить склероза. Вот и вся фабула его романа,
- Как и Вашего...
- Как и моего... А Вы-то, собственно, кто такой чтобы судить? Вы-то кто такой есть?.. Тут боль внизу желудка неожиданно стихла и я наконец-то заснул...

VI

*«...Благословенен Господь наш, придумавший сон:
это плащ, укрывающий путника в ночи,
это пища голодному, глоток воды жаждущему,
тепло озябшему. Сон делает равными короля и нищего,
глупца и мудреца. У него есть только один недостаток –
разница между спящим и мертвым очень невелика....»
(Мигель Де Сервантес Сааведра «Дон Кихот»)*

И все-таки спящий – это не мертвый. Во сне мы живем, но совсем не так, как наяву. Во сне протекает параллельный вариант нашей жизни, который очень опосредованно связан с нашей реальной жизнью. У мира снов своя история, свое время: например, во сне я помню, что бывало в прошлых снах всвязи с тем, что я переживаю в текущем сне, но наяву я этого не помню. И топография мира снов не совпадает с топографией реальности, но она не сочиняется нашим мозгом каждый раз заново – она существует так же неизбежно, как топография реального мира, повторяясь в мельчайших подробностях из одного сна в другой. Например, я знаю, что в моем сне набережная Ялты тянется от Никиты до самого Севастополя, который, почему-то, находится сразу за мысом Ай-Тодор, а вдоль всего побережья тянется тропа в горах, на которую я легко нахожу выход в любом своем сне. А Севастополь моих снов почему-то окружен крепостной стеной по всему своему периметру с воротами, выходящими на север. Столь же странно устроено пространство моего родного города и города, в котором я сейчас живу. То есть сон обладает своим особым хронотопом. Или, если повторить ученое определение Секацкого, хроносенсорная автономность делает сон трансцензором реального времени. А значит ось нашего собственного времени выглядит пунктиром, на котором время бодрствования чередуется с временем сна. И это разные времена, не связанные друг с другом.

Времена снов связаны друг с другом памятью сна, а времена бодрствования связаны памятью бодрствования. И хотя оба вида памяти помещаются в одной голове, они почти ничего не знают друг о друге. Устройство нашего времени очень напоминает устройство нашего генома: в геноме таким же образом чередуются участки осмысленной информации – экзоны, и участки бессмысленной информации – интроны. Чтобы получить ген полезного белка, интроны вырезаются, а экзоны сшиваются вместе

ферментом лигазой. То есть лигаза – это аналог памяти бодрствования. Но можно представить себе и «лигазу сна», которая будет выбрасывать экзоны и соединять интроны, в результате чего возникнут совершенно экзотические белки для «параллельной жизни». Кстати, биологическая эволюция как раз так и происходит через включение белков этой «параллельной жизни» в реальную жизнь организмов...

Так может быть и сон иногда включается в состав яви? А пожалуй что так. Вспомните, что Кекуле открыл бензольное кольцо во сне, а Менделеев во сне увидел свою периодическую таблицу. Но это случается редко, потому что язык снов непонятен для бодрствующего сознания. Явь задает вопросы, на которые не может найти ответ. Сон отвечает на эти вопросы на своем особом языке – Кекуле ведь увидел во сне не молекулу, а змею, укусившую себя за хвост. В том-то все и дело – мы не понимаем наши сны на языке яви. Что означает мой сериал снов о том, что я второй раз учусь в том же университете, на том же факультете, но на другой специальности. Причем, этот сериал длится годами, и за эти годы я заканчиваю курс за курсом, сижу на лекциях и семинарах, сдаю экзамены. Хожу на дискотеки и странно там смотрюсь - старик среди молодежи. «Я старый, меня девушки не любят», - как говорил Паниковский в «Золотом теленке». И я прекрасно помню, что один раз я уже закончил этот университет, что у меня уже есть диплом, но зачем-то стараюсь получить второе образование. И вот недавно я его получил, - был сон, в котором я закончил университет и получил второй диплом. И после этого мне перестали сниться эти сны. Вполне себе параллельная жизнь, прожитая во сне. И значит я все-таки хронохимера – непонятное соединение дневного и ночного сознания.

Я думаю, что все люди хронохимеры. Просто не у всех ночная жизнь так развита. Не все являются «номадами сна». Но всех притягивает реальность снов, когда она становится предметом изображения в живописи – как у Сальватора Дали, в кинематографе – как у Феллини, в литературе – как у Маркеса и у всех, кто причисляет себя к магическому реализму. Мы захвачены созерцанием снов, но все равно не понимаем их языка. А если кто-то понимает его, он считается пророком. Пророк умеет соединять дневное и ночное сознание, он понимает ответы сна на вопросы яви и поэтому для него не остается неотвеченных вопросов. Поэтому пророк пребывает в истине. Помните ответ Христа на вопрос Пилата: «Что есть истина?» - «Я есмь путь и истина и жизнь». Жизнь в едином хронотопе нерасщепленного сознания. Не это ли и есть то самое обожение, о котором писал в своем письме выпускник Платоновской академии Григорий Богослов своему коллеге Василию Великому еще в IV веке.

А что же остается для нас, простых смертных? - Для нас остается художественная литература, которая ведь тоже является мощным и общедоступным трансцензором реального времени. Художественная литература – это такой коллективный сон носителей языка. Причем сон, записанный на языке реальности, но являющийся параллельной, дополнительной реальностью. Создают эту литературу «номады слова» - поэты, расщепленное сознание которых обитает своей частью внутри языка и грезит наяву, давая нам всем вторую, призрачную жизнь. Недаром Иосиф Бродский считал поэта высшей стадией эволюции человека - Homo Poeta.

- Ну, Бродскому это простительно – он ведь поэт. А Вы-то вроде философ, Вам-то зачем эти легкомысленные определения? – снова очнулся мой гастрит. По-моему это Нина Берберова писала, что если до пятидесяти лет человек не справится со всеми своими бесами, то после пятидесяти они его дождут окончательно. Вот мне пятьдесят восемь, а я до сих пор вынужден отвечать на дурацкие вопросы моего навязчивого собеседника и не знаю как с ним справиться...

VII

*«Над вымыслом слезами обольюсь...»
(А.С. Пушкин)*

- Homo Poeta, если угодно, это и есть русский человек в очищенном от всех мерзостей русской жизни виде,
- Даже так?
- Именно так. Мы литературоцентрический народ. В нашем сознании место истории занимает история русской литературы. Это у других народов в их истории августы сменяют цезарей, или людовики чередуются по номерам, а у нас Печерин сменяет Онегина, а его Чичиков, а там Базаров и Раскольников. А там Анна Каренина в окружении братьев Карамазовых, причем они столь же значительны для нас, как Екатерина Великая в окружении братьев Орловых. А правящие цари лишь создают фон, на котором разворачивается эта литературная история. Ведь не случайно мы говорим «эпоха Пушкина», хотя это была эпоха Александра Первого, который между прочим Наполеона победил. Вряд ли француз назовет эпоху Наполеона «эпохой Стендаля», а у нас это запросто. Потому что мы так воспринимаем мир – через литературу. У нас и цари такие были. Государыня Екатерина гордилась не победами над турками, а тем, что написала за свою жизнь семнадцать пьес. А сын ее, Павел Петрович, вообще воспринимался как литературный персонаж: в Европе его называли «русский Гамлет», а когда он взошел на престол, то оказался Дон Кихотом на царстве,
- Так что повезло России,
- Не очень - Дон Кихот хорош как странствующий рыцарь. А когда он начинает управлять, это беда. Когда всех подданных заставляют совершать рыцарские подвиги, жизнь становится невыносимой. В России царь должен быть жестким прагматиком, чтобы его подданные могли спокойно жить великой русской литературой. Вот как Александр Первый правил, а при этом властителем дум был сначала Карамзин, потом Пушкин. И так у нас было до самого последнего царя, который сам оказался чеховским персонажем – «дядей Ваней» на троне. Тут-то реальность и закончилась, а литература хлынула в жизнь,
- Что вы имеете в виду?
- Революцию, конечно. Когда в 1918 году большевики открывали памятник Достоевскому, один старый профессор посоветовал Луначарскому написать на нем: «Писателю Достоевскому от благодарных бесов»,
- И что же, тем и закончился литературоцентризм русской жизни?
- Тогда да, закончился. Вместо истории литературы народ десятилетиями жил историей партии, - реальной истории так и не появилось. А после Отечественной войны русская жизнь вошла в свое привычное литературное русло: о войне мы узнавали из романов писателей-фронтовиков, о русской провинции – из романописателей-деревенщиков, об интеллигенции судили по романам Аксенова, Трифонова, Маканина,
- А потом?
- А потом все повторилось как в дурном сне – литература снова хлынула в жизнь во время Перестройки. Во власти оказались герои интеллигентских романов, и Россия под их руководством снова рухнула в пропасть. Сейчас, слава Богу, восстановился статус кво русского мира – власть находится у прагматичного «царя», а русский человек, вздохнув с облегчением, может погрузиться в родной мир русской литературы, которая с началом нового века явно находится на подъеме,

- А почему, как Вы думаете, русская цивилизация оказалась такой литературной?
- Из-за климата, конечно,
- Из-за климата? Странно...
- Ничего странного. В России вообще история это часть географии. У нас такой климат, что пол-года из дому выйти нельзя. Чем заниматься зимой? Только сказки слушать, да Четьи-Минеи читать. Вот и возникла цивилизация читателей, которая пол-года реальной жизнью живет, а пол-года грезит жизнью художественной литературы. Поэтому литература в нашей стране больше, чем литература, а «поэт в России больше, чем поэт». Кто написал первую историю России? – Писатель Карамзин. Привычка воспринимать окружающий мир в литературных категориях привела к тому, что и жизнь страны и свою собственную жизнь русский человек понимает как житие или как роман. А у романа должна быть развязка, итог, который эстетически завершает повествование, придает смысл произошедшим событиям. Для страны это светлое будущее, мужицкий рай или золотой век, или коммунизм – вот почему эта европейская теория так прижилась в России,
- А для жизни отдельного человека?
- И для жизни отдельного человека то же самое, только называется финал жизненного романа не коммунизм, а «третий возраст». Вспомните, сколько богатых купцов и успешных людей на Руси в этом возрасте резко меняли свою жизнь и уходили в монастырь. Вспомните Кудеяра разбойника у Некрасова:
«Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.
Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить.
Сам в монастырь пошел он
Богу и людям служить.»
- Я Вам больше скажу: «третий возраст» - это обязательный этап последовательной литературоцентрической жизни,
- Стало быть и Вам его не избежать – Вы-то всю свою жизнь из книжек не вылазили,
- Если такие хронофаги, как Вы, не помешают,
- Хроно-кто?..

VIII

*«Всему свое время...² время рождаться, и время умирать;
 время насаждать, и время вырывать посаженное;
³ время убивать, и время врачевать;
 время разрушать, и время строить;
⁴ время плакать, и время смеяться;
 время сетовать, и время плясать;⁵
 время разбрасывать камни, и время собирать камни;
 время обнимать, и время уклоняться от объятий;
⁶ время искать, и время терять;
 время сберегать, и время бросать;
⁷ время раздирать, и время шивать;
 время молчать, и время говорить;
⁸ время любить, и время ненавидеть;
 время войне, и время миру.»*

О каком времени говорил Экклезиаст? А ведь он говорил о времени «второго» и «третьего возраста». Этого как-то не замечают. Но если взять и выписать подряд по одному времени из каждой пары времен в эпиграфе, то мы получим исчерпывающую характеристику «третьего возраста». Итак, «третий возраст» – это *время умирать, время вырывать посаженное, время врачевать, время разрушать, время смеяться, время плясать, время собирать камни, время уклоняться от объятий, время искать, время бросать, время раздирать, время молчать, время любить*. И *время войне*, как это ни покажется странным. И *время разрушать*, и *время раздирать*. Но вспомним слова Христа: «не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку - домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.» О чем это Он?

А все о том же - о «третьем возрасте»: если ты встал на путь этого времени, то изволь расстаться с путем времени домохозяйничества. Нельзя одновременно двигаться в двух противоположных направлениях. И все, кто тянет тебя на путь прежнего времени своими привычками и традициями, невольно оказываются врагами твоего нового времени – они разрушают время «третьего возраста». Они и есть хронофаги. Хронофаги это все люди из предыдущего времени-возраста, которые считают себя вправе навязывать свое время всем остальным. Это убежденные носители идеи всеобщего равенства и равноправия. Адепты политкорректности, хронофагическая сторона которой выражается в том, что каждый имеет право на время другого. Когда малознакомый человек при встрече спрашивает: «Как дела?» и далее заговаривает о погоде, это хронофаг. Приличия вынуждают нас отвечать ему, совершая ритуал, подобный обнюхиванию друг друга у собак. Это одно из проявлений тотальной терпимости – терпимость к хронофагам. И они способны сожрать все твое время, если ты не удалишься от них в свое отшельничество и странничество.

Это всегда так было. Были на Руси монастыри – острова «третьего возраста», где можно было скрыться от каждодневного похлопывания по плечу и разговора о видах на урожай. Но был и теперь есть «индивидуальный монастырь в миру» - юродство. Кажущееся безумие или странность как справка с печатью защищает тебя от равенства с остальными людьми. На время безумия никто не покушается, потому что оно никого не привлекает. И приличное общество тебе никто не навязывает, потому что все признают тебя недостойным всеобщего коллективного времени. Тебя оставляют в покое и ты получаешь наконец сомнительную, неизбежную и жестокую награду старости – одиночество...

IX

*«О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,*

*как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.*

*Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою...»
(Белла Ахмадулина)*

Одиночество нужно бдительно охранять и тщательно беречь. Оно хрупко и непрочное, потому что одиночество – вещь для человека невозможная, ибо человек существует только в зазоре общения между собой и другим, пусть даже этот другой представляет собой часть расщепленного сознания самого себя. Одно из двух: или есть человек, и тогда он не одинок, или есть его одиночество, но тогда нет этого человека. Это напоминает принцип неопределенности Гейзенберга в квантовой механике. И практически такая же невозможная вещь – высказывание об одиночестве, потому что любое высказывание подразумевает слушателя, а значит разрушает состояние единства. Поэтому такое высказывание неизбежно будет ложью и кокетством. Одиночество – это как та газированная вода без сиропа, о которой я говорил в третьей главе: стоит сказать, от кого это одиночество, как появляется мысленный собеседник, и ситуация одиночества исчезает. Об одиночестве можно только молчать в полном соответствии с седьмой аксиомой Логико-философского трактата Людвиг Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

Однако в одиночество можно путешествовать. Но это очень странное путешествие. Ось его времени имеет деления только в ее начале. По мере удаления от нуля эти деления встречаются все реже и реже, пока не исчезают вовсе. Это означает, что странник достиг цели своего пути – обрел образ и подобие одиночества Бога. Ибо нет и не может быть более одинокого разумного существа, чем Бог. Человека, достигшего этого состояния, охватывает такая жалость к этому всемогущему и уязвленному одиночеством Существо, что в его душе вспыхивает сыновняя любовь к Богу. И сын человеческий становится Сыном Божиим. Но достигнуть этого состояния может только истинный «номад одиночества».

Одиночество, как и дорога, как и сон, это мощный трансцензор реального времени. Почему так странно упорядочена ось времени этого путешествия? Потому что деление или масштаб на шкале времени может возникнуть только при контакте с кем-то другим. Только взаимодействие создает меру, которую можно обозначить на оси времени. Одиночество как проявитель, обнаруживает наших внутренних обитателей, до поры заточенных в подвалах бессознательного. Мы узнаем и называем их, и их имена остаются делениями на шкале времени. Так поступает неопит, посвящаемый в шаманы во время сна или самогипноза, в котором он пребывает от трех до девяти дней, когда к нему слетаются «духи всех трех миров». С этими духами шаман и живет потом всю жизнь. Но истинный «номад одиночества» не обращает на них внимания и продолжает свой путь. С течением времени все наши внутренние бесы отпадают как сухие листья, и навстречу нам через сорок дней выходит главный – Дьявол. Это он искушал Христа в пустыне. И искушал он его общением – последним возможным общением перед полным одиночеством. Это и есть последняя метка на шкале времени. За ней времени, как и самого общения, уже нет. Нет и самого путешественника. Наступает полное,

божественное одиночество. Исус становится Сыном Божиим, хранящим в себе главную заповедь: «Возлюби Бога, чтобы он не был так бесконечно одинок!».

Это состояние последней встречи одиночества сумел выразить наш великий поэт Гаврила Романович Державин в оде «Бог»: «Ты есть - и я уж не ничто!..Я царь - я раб - я червь - я бог!»

X

*«когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту,
припоминая при этом красоту истинную,
он окрыляется...
Только человек, правильно пользующийся
такими воспоминаниями,
...становится подлинно совершенным.»
(Платон «Федр»)*

Мой путь тоже одинок, но это не путешествие в одиночество. Это паломничество в мою «Страну Востока» - место подлинности человеческого существования. Я не знаю, где это, но я точно знаю что это. Подлинность человека существует там и тогда, где и когда его формирует красота, а он, в свою очередь, созидает или созерцает эту красоту. И пока животные страсти или глупость не вырвут его из этого круговорота красоты, он остается человеком. Это мое Dasein. И я странствую по его следам. Я мог бы сказать, как Диоген: «Ищу человека», только вместо фонаря я держу в руках раскрытый альбом древнегреческого искусства и всматриваюсь в глаза встречных людей, чтобы не пропустить тех, душа которых уязвлена этой красотой.

Моя же душа была уязвлена ею еще в отрочестве, когда я впервые открыл еще пахнувший типографской краской новый учебник истории для пятого класса и погрузился в прекрасный мир Древней Эллады. Я до сих пор помню эти незамысловатые карандашные рисунки богов и героев, храмов и кораблей среди скал и моря. С моим сознанием произошло то, что современная этология называет «импринтинг» - в моей памяти запечатлелся образ подлинного человеческого существования. С тех пор я совершаю паломничество в эту страну, вечно возвращаясь памятью на страницы учебника Коровкина. Платон утверждал, что наше познание – это на самом деле припоминание. Я убедился в этом, когда много лет спустя очутился перед Львиными воротами Микен, которые я уже видел на рисунке в моем учебнике.

Все мое жизненное паломничество - это вечное возвращение в мир эйдоса, открытого мною в школьном учебнике. Моменты этого возвращения образуют шкалу времени моего странствия. Они разбросаны по жизни очень неравномерно, но вместе они составляют ось ее смысла. Юнг говорил о странных сближениях событий и встреч, которые организует судьба в жизни человека. Он называл их синхронизмами. В моем паломничестве такие синхронизмы отсчитывают само время странствия.

Первая остановка памяти на оси этого времени: сибирский зимний вечер, за окном тьма и морозный туман, в комнате моего друга противно мерцает и гудит лампа дневного света – мы рисуем акварелью или маслом. Запах масляной краски проникает в нас как церковный ладан. Время исчезает, оно превращается в линии и цветовые пятна на бумаге или на картоне. Мы болтаем обо всем на свете, а точнее о прекрасном: о

живописи и о женщинах. Он принес из библиотеки альбом древнегреческого искусства, и мы пытаемся рисовать оттуда эти совершенные тела. Красота женского тела как ожог запечатлелась в сознании на всю жизнь. В памяти все эти вечера, повторявшиеся по три раза за неделю, слились в один момент – момент подлинности человеческого существования.

Второй такой момент – книга Ефремова «Лезвие бритвы». Не помню кто из нас ее прочитал первым – я или мой друг. Но оба мы были опьянены ею, а точнее ее героинями, такими притягательными, чувственными и строгими одновременно, что желать их было невообразимой дерзостью, а не желать их было невозможно. Ефремов сумел сказать о красоте то, что мы чувствовали, но не умели выразить словами. И теперь его слова стали нашими убеждениями. А еще он подарил мне Крым, а точнее обещание Крыма. Он приоткрыл мне окно в мир, который потом десятилетиями будет для меня земным воплощением эйдоса из учебника Коровкина. Я читал и перечитывал любовную сцену на скамейке в Никитском ботаническом саду, прозревая свое собственное занятие любовью на этой самой скамейке душистой июльской ночью, наполненной стрекотом цикад и кваканьем лягушек. Но это случится двадцатью годами позже. Вы скажите «случайное совпадение», но мы-то с Юнгом знаем, что это не случайности, а знаки судьбы.

И снова Ефремов организовал мою встречу с миром греческой красоты – юношей я прочитал его последний роман «Таис Афинская». После этого Коровкин со своим учебником затерялся в воспоминаниях детства, а мой мир наполнился героями и мыслями Ефремова. Он подарил мне Грецию, как перед этим подарил Крым. И хотя сам он так и не смог побывать в любимой им Элладе, но меня он впустил в мир ее моря, островов, лесов и гор. Я не мог тогда вообразить, что через тридцать лет пройду и проеду эту страну вдоль и поперек, припоминая (по Платону) книгу Ефремова. Он все угадал правильно – я увидел Грецию именно такой, какой знал ее из его романа. Его ощущение красоты и правильности этого мира для человека привело меня в моих странствиях в такие глубины истории, о которых он только подозревал, – в минойский Крит. Но это случилось значительно позже, на излете моих зрелых лет. А пока...

А пока я открыл для себя свой Крым. Это произошло во время свадебного путешествия в студенческие годы. Это было необычное свадебное путешествие – без жены, которая в это время гостила у своих родителей. И все-таки это было мое «свадебное» путешествие, потому что в нем я обручился с Крымом на всю жизнь. С чем можно сравнить Крым? Может быть только с Палестиной. Это два удивительных ландшафтных, географических и исторических узла на нашей планете. Как будто целый материк втиснут в каждую из этих маленьких областей на карте. В Крыму есть все: и степь, и горные леса, и субтропики побережья, и море. Я начал знакомство с Крымом на Карадаге, среди его цветущих ущелий, сердоликовых бухт и inferнальных скал. Потом я отправился пешком в Судак, а оттуда на катере в Ялту. В горах над Ялтой я любовался полноводным в мае водопадом, ездил на катере в Алушкинский парк, в Никитский ботанический сад. Я таял и растворялся в этом мире запахов и красок как кусок сахара в стакане чая. С той поры Крым поселился во мне как часть моей личности, как место, где мое Я находится у себя дома. Потом я в течение двадцати пяти лет почти каждый год возвращался в Крым. Я прошел и проехал его весь от Феодосии до Севастополя и от Бахчисарая до Ялты. Я странствовал горными тропами, купался в горных речках, бродил в пещерных городах и в субтропических зарослях побережья. В последние годы я успевал побывать за один сезон и в Крыму и в Греции, плавно соединив эти земли в своем сознании. Я понял, что Крым – это крайний север Греческого мира. Но одновременно и крайний юг Русского мира – самый последний и любимый образ моей

Родины. Прав Дмитрий Быков, когда написал: «В старости нужно хотя бы раз вернуться в Крым, чтобы вспомнить, что жил».

Если Крым это обещание Греции, то сама Греция превосходит обещанное многократно. Жизни не хватит, чтобы обойти все ее скалы и заливы, острова и горы. Это то место, о котором мечтал Пушкин:

«...По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья...»

И я вот уже почти двадцать лет дивлюсь этим природным красотам и трепещу в восторге перед созданиями искусства, которыми наполнена эта земля как булка изюмом. Посещая развалины античных городов, проходя археологическими музеями, я вспоминаю картинки в школьном учебнике и картины, нарисованные Ефремовым в «Таис Афинской». Я думал, что именно эти воспоминания вместе с воспоминаниями о Крыме делают для меня Грецию чем-то родным и смутно знакомым. Так я полагал до тех пор, пока в музее в Дельфах не столкнулся со своим скульптурным портретом, сделанным во втором веке нашей эры. Это был бюст какого-то неоплатоника той эпохи. В нем я с удивлением узнал самого себя. Тут-то я понял, насколько прав Платон со своей теорией припоминания – оказывается мне действительно было что вспомнить. С тех пор я не езжу в Грецию, а возвращаюсь в нее. И с каждым разом все глубже и глубже.

Однажды я погрузился так глубоко в прошлое, что даже мой дельфийский двойник был бессилён помочь мне в припоминании этого древнего мира. Это было на Крите – в Кносском дворце и в археологическом музее Ираклиона. Я видел на фресках и росписях прекрасный мир гармонии искусства и природы. Сцены из жизни минойцев были как иллюстрации к какому-нибудь Кампанелле или Томасу Мору: радостные лица трудящихся, ничем не омраченное коллективное счастье. Прямо стоп-кадр из фильма «Кубанские казаки». И в то же время это не соцреализм. Я ведь его хорошо знаю – он лжив, и эта ложь невольно делает его примитивным, вопреки мастерству художника. А здесь, в искусстве минойцев, я чувствовал правду. Но очень странную правду. Я никак не мог себе вообразить такой социум, для которого это искусство было бы правдой. Этот вопрос мучил меня все время моего странствия по Криту.

И вот как-то сидя в сомнительной тени тростника, сухо шуршащего в порывах ветра, и слушая гексаметр волн Ливийского моря, я вдруг понял, что это было женское общество. Именно поэтому нам так трудно понять его, ведь мы знаем только мужское общество. Чем они отличаются? Возрастом! Именно возрастом. Мужское общество – это общество первого возраста, это социум подростков, весь пронизанный соревнованием и соперничеством, в ходе которых и происходит ученичество. И это запечатлено в искусстве этого общества. Посмотрите на искусство античной Греции. Его главные темы – соперничество и секс, то есть то, что более всего занимает юношей. А теперь взгляните на искусство минойцев. Здесь совершенно отсутствуют эти темы. Зато главными темами являются гармония цветов и животных и наряды дам. Сравните эти росписи с картинками, которые рисуют девочки в начальных классах и Вы поразитесь их подобию. Это мир женщин. Это не значит, что все это рисовали женщины. Искусством занимаются в основном мужчины, чтобы понравиться женщинам, – это продукт полового отбора. Но заказчиками минойского искусства были женщины, потому что общество это управлялось женской богиней и ее жрицами.

А женское общество – это общество второго возраста, это общество домохозяйничества. Это аналог семьи, в которой женщина-мать следит за порядком, не допуская драк среди ее детей-мужчин, заставляя их прилежно учиться и прилично

вести себя. Как они этого достигали, мы можем только предполагать. Гомер в «Одиссее» писал о лотофагах, употреблявших плоды лотоса в качестве наркотиков. Вроде бы минойцы употребляли с этой целью шафран. Но так или иначе природная мужская агрессия была в этой цивилизации сублимирована до ритуальных игр с быками, мореплавания по всему «виноцветному» морю и художественного творчества, радовавшего женский глаз. Не мечту ли Платона видим мы воплощенной в мире минойцев? Он писал в своем «Государстве», что воздержность может быть вызвана только искоренением наклонностей в самом их зародыше и направлением чувств к другой цели, а никак не запрещением самого наслаждения. Единственные верные средства к тому – религия и воспитание. Государство только тогда может быть счастливо, когда им управляют философы. Он называет философом человека, который по своим принципам умерен, щедр, храбр, великодушен, кроток и твердо стоит за ненарушимость закона.

Итак, философы в юбках? И с обнаженной грудью – для убедительности? А почему бы и нет? К сожалению мы пока не можем прочитать тексты минойцев. Философ – это по сути своей человек третьего возраста. Для нас, современных европейцев, - это безусловно мужчина третьего возраста. Но кем была женщина третьего возраста на минойском Крите, мне трудно себе представить. Мы знаем только, что общественную гармонию и круговорот красоты в поколениях она обеспечивала. В том мире человек рождался в мире красоты и всю свою жизнь созидал или созерцал эту красоту. Поэтому я могу назвать мир минойцев местом подлинности человеческого существования.

Мое паломничество закончено? Я нашел свою «Страну Востока»? И да и нет. Во всяком случае я не ближе к ней, чем Платон в свое время. Но это не мешало ему создавать ситуацию подлинности для своих учеников в Академии. И мне ничто не может помешать возвращаться в мир подлинности, хотя бы при помощи кисти и красок вспоминая божественную красоту природы моей Греции и моего Крыма. И странствовать наяву или в своем воображении вдаль времен, подобно тому как Платон странствовал в свою Атлантиду.

XI

*«Мы - антиподы, мы здесь живем!
У нас тут анти-анти-антиординаты.
Стоим на пятках твердо мы и на своем,-
Кто не на пятках, те - антипяты!»
(Владимр Высоцкий)*

Тут я подумал: если мир минойцев это место подлинности человеческого существования, то что же представляет собой наш современный мир? О чем свидетельствует его вывихнутое, патологическое искусство? Ведь искусство это лицо мира...

- Это вы меня цитируете?

- Простите, с кем имею честь?

- Кантор, Максим Карлович,

- Очень приятно, я помню Ваш «Учебник рисования». Это ведь Вы назвали наше время временем дизайна? Дизайн вместо Dasein, так сказать?

- Хорошо сказано! Хайдеггер, наверное, в гробу перевернулся. Да, у всякой эпохи свое лицо: диктатуры предпочитают монументальное искусство, монархии любят станковую картину, просвещенная демократия выбрала дизайн. Прекрасным в современной западной цивилизации является дизайн. Поэтому дизайн именуют искусством, а декораторов художниками,

- Я как раз думал над тем, как назвать все эти инсталляции и перформенсы, если мы называем то, что встречает нас в залах старых мастеров, искусством. Не могут же называться одним и тем же словом красота и уродство, прекрасное и омерзительное. Мамардашвили называл искусство «человекообразующей машиной». Но здесь мы сталкиваемся скорее с человекоразрушающей машиной...

- ... Да, да, это так: современная цивилизация превратила деструкцию в конструкцию – тут уже время Дерриде в гробу подпрыгнуть, но из песни слов не выкинешь: он тоже к этому руку приложил,

- Это Вы верно заметили: управляемый хаос как метод в политике – это и есть деструкция в действии. И что характерно, она сразу же уничтожает искусство: расчеловеченные толпы громят музеи и памятники древних культур, превращая их в мусор. И в то же время цивилизация провозглашает искусством выкладывание инсталляций из этого мусора – это действительно превращение деструкции в конструкцию,

- Игра культурным мусором прежних эпох, которая называется постмодернизмом, это прощальное слово Европы. Европы в собственном смысле слова уже нет. Территория Европы объединяет рантье, проживающих наследие былых веков и отстаивающих это право. Вообще всякая желающая продлить час своего торжества цивилизация нуждается в подмене искусства дизайном. Картина здесь больше не нужна; нужна — рама. Ведь картина это и есть третий глаз философии, а кому нужно, чтобы за вами подглядывали, когда вы предаетесь сну разума?

- Да, кому потребовалось сделать разум бессильным, тому мешает и настоящее искусство,

- В современном мире обработка мозгов важнее обработки полей, а история движется туда, куда она движется потому, что за ее движение хорошо заплачено. И прежде всего дизайнерам, потому что план мировых перемен есть продукт прежде всего эстетической, а не инженерной мысли,

- Вот я и предлагаю термин для такой эстетики: не искусство, а искушество – всего одну букву заменить,

- Искушество – это от искушения?

- Именно: это все произведения, которые ввергают человека в соблазн расчеловечивания. Это можно было бы назвать человекоразрушающей машиной, если бы для разрушения нужна была какая-нибудь машина, но человек легко предается разрушению сам по себе, - это для его созидания нужно прилагать усилия человекообразующей машины искусства,

- Да, мораль в культуру привносит искусство. А какую мораль в нее привносит искушество?

- Мораль стяжания,

- Стяжания? По Вашему деструкция связана со стяжанием?

- Несомненно! Видите ли в этом мире не так много того, что можно стяжать. Например, нельзя присвоить чужой талант, мастерство, способности. Но можно присвоить результаты чужого мастерства и таланта. Для этого нужно все вещи в мире превратить в деньги, то есть в то, что можно присвоить. Деньги действительно дают их владельцу свободу – свободу от труда человекообразования. Расчеловеченное или недоочеловеченное существо с деньгами может стяжать все в этом мире,

- Но причем здесь «искуштво дизайна»?
- Как причем? Вы ведь сами сказали, что во времена дизайна картина заменяется рамой. Именно «рама» определяет денежный эквивалент картины, а значит и возможность ее присвоения. Мир стяжания – это мир человеческих антиподов,
- В каком смысле?
- Ну вот я пишу о странствии третьего возраста в жизни человека. Это последний этап процесса человекообразования, в ходе которого человек приходит наконец к самому себе. Это требует труда и напряжения своих собственных способностей. А стяжание – это антистранствие: не я странствую в мир, а мир, превращенный в деньги, втягивается в меня, как в черную дыру для денег. Человек здесь подобен кадавру из известной сказки братьев Стругацких – он втягиват в себя весь мир, превращая его в конце концов в дерьмо,
- А дерьмо по Фрейдю это символический эквивалент денег,
- Вот именно! Стягающий человек превращается в личинку, паразитирующую в лоне Матери-Земли. Предел расчеловечивания – это паразитическое упрощение, когда теряется за ненадобностью нервная система и мозг, а остаются только органы питания, выделения и размножения. Вобщем Оранус Пелевина,
- Кто?
- Оранус или по-русски Ротожопие. Это Виктор Пелевин придумал такой организм, поглощающий и выделяющий деньги. Это политэкономический эквивалент стягающего человека. Так вот искуштво вместо искусства – это индикатор доминирования Орануса в жизни общества,
- А также богооставленности,
- Почему?
- Потому что только явление, имеющее форму, может претендовать на представление невидимого. Хранитель форм – искусство, а дизайн подверг все формы радикальной деструкции...

XII

*«Бог может явить Себя по-настоящему
только перед настоящими людьми»
(Клайв Льюис)*

Декабрь в этом году больше похож на апрель, да и то, смотря какой апрель, - и в апреле бывают снегопады. А тут маргаритки цветут в траве и птицы орут, мучимые гормонами. Вот моя жена и решила засыпать подъездную дорогу в имении щебнем пока снега нет. Мы с ней вдвоем разбрасываем кучу щебня с автомобильного прицепа. «Штерк – щебень, штерк – щебень, штерк - щебень», - лопата втыкается в кучу щебня и потом он шурша стекает с нее. Какая выразительная звукопись языка! Ведь «штерк» по-чешски это и есть щебень. Но тут проявился и национальный характер: чех назвал эту кучу по звуку входящей в нее лопаты, а русский – по звуку лопаты, освобождающейся от груза. Потому что у чехов культ работы, а русский предается мечтам даже раскидывая кучу щебня. Отсюда императив: «Набирай побольше, кидай подальше, пока летит – отдыхай». Вот я и думаю, пока летит...

У меня не выходит из головы последняя фраза Кантора: «Только явление, имеющее форму, может претендовать на представление невидимого». И тут я вспоминаю приказку: «В старости человек наконец становится похож сам на себя». То есть обретает свою собственную форму. Значит ли это, что он тем самым обретает способность представлять Невидимое? Ну, это конечно у кого какая форма. Не всякий способен вместить в себя Невидимое. Но попадаются и такие, которые способны. Помните я цитировал Державина: «Я царь - я раб - я червь - я бог!». Это стихотворение - явный след пережитого им боговмещения. Значит созрел Гаврила Романович в своем жизненном странствии, сподобился присутствия Невидимого, чтобы выразить Невыразимое. Тут интересно вот это «я». Вспомним ответ Христа Пилату: «Я есмь путь и истина и жизнь». Опять это же «я». И «путь». То есть человек в своем жизненном странничестве не ищет Бога специально, - он ищет себя, свое Я. И если находит его, то обнаруживает в нем присутствие Бога. Путь к себе оказывается путем к Богу.

И вот что интересно: как в этой точке встречи с собой можно отличить атеиста от верующего? А никак – в присутствии Бога этого антагонизма просто не существует. А вдали от Бога можно продолжать бить друг другу морды или взрывать неверных в священном экстазе. Только к Богу это не имеет никакого отношения – в примитивные формы Невидимое не вмещается. А все почему, и по какой причине, и какой из этого следует вывод? – как говорил персонаж одного гениального мультфильма. А все потому, что Бог не обладает самостоятельным бытием в этом мире, как заметил еще в шестом веке Дионисий Ареопагит. Поэтому Бог может ощутить бытие только через человека, который достигнет в своей жизни Его образа и подобия. Таких людей мы называем святыми. Для тех, кто учился математике, скажу так: Бог – это тензор, а святые – это проекции тензора в разные системы координат. Наше «я» - это и есть наша индивидуальная система координат.

Почему Бог не обладает бытием? Может быть потому что он Автор этого мира, а автор всегда вненаходим своему произведению, как объяснил нам всем великий Бахтин. Вот и получается, что Бог и созданный им мир взаимодополнительны друг другу – совсем по принципу дополнительности Бора. И если мы хотим найти Бога, то должны оставить этот мир, как это делали отшельники всех времен, уходя в пустыни и пещеры. Им так и говорят: «Не от мира сего». А если мы серьезно хотим изучать этот мир, то надо оставить Бога в покое и сказать, как говорил Лаплас Наполеону: «Я в этой гипотезе не нуждаюсь». Это два противоположных пути странничества, которые странным образом сходятся в одной точке. Ну это для плоскости странно, а на сфере, например, все пути сходятся в полюсе, где находится сам Автор этого сферического мира.

«Штерк – щепень, штерк – щепень». Это жена работает лопатой, пока я думаю.
- Может отдохнешь? – пытаюсь я изобразить заботу.
- Не хочу, - отвечает она, - Когда я кидаю щепенку, я не верю своему возрасту.
«Ну вот. А для кого тогда мой «Третий возраст»? Или женщины не в счет? Нет, это такие женщины не в счет! Для них куча щепенки вполне заменяет философию». Я снова воткнул свою лопату в щепень: «Штерк!»

*«Прощай же, книга!..
И все же слух не может сразу
расстаться с музыкой, рассказу
дать замереть... судьба сама
еще звенит, и для ума
внимательного нет границы
там, где поставил точку я:
продленный призрак бытия
синее за чертой страницы,
как завтрашние облака,
и не кончается строка...»
(Владимир Набоков)*

Хасидского мудреца спросили: «Скажи, ребе, где находится Бог?» Мудрец ответил: «Там, куда его пускают». Как верно сказано! И как много из этого следует для странствующего пилигрима. Главный вывод: «Не гони волну!». Или, если использовать термины античной философии: «Следуй апатейе и атараксии – будь безмятежным и бесстрастным». Потому что страсти и желания мгновенно заполняют весь объем твоей жизни, и Богу в ней просто не остается места. Но как же этого достичь? В своих земных делах следуй совету Пастернака:

Но пораженья от победы

Ты сам не должен отличать...

Но быть живым, живым и только,

Живым и только до конца.

Непонятно? Тогда еще проще: в 1905 году в разгар первой русской революции на вопрос «Что делать?» Василий Васильевич Розанов отвечал: «Что делать? Летом варить варенье, а зимой его кушать». Чем это отличается от жизненной позиции тупого обывателя? По форме - ничем. Отличие во внутренней готовности к встрече с судьбой. Кастанеда называл это алертностью. Странник готов не только к встрече с неизвестным, он готов дать ему имя. Названная вещь перестает внушать животный ужас. Именно поэтому Адам в Раю давал всему имена – он очеловечивал мир, созданный Богом. Вот и нужно следовать примеру нашего праотца: Богу - богово, а человеку – человеческое. Не вмешиваться в творение мира, но вносить в мир человеческое слово. Так же и в жизненном странствии, маршрут которого в конечном счете определяет Бог или Судьба, наше предназначение - давать имена всему, что мы встретим на своем пути, тем самым превращая странствие в роман своей жизни. Со временем.

Ноябрь – Декабрь 2015